

СОЦИОНИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

УДК 159.923+929

Стовпюк М. Ф.

ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ

В статье анализируется соционический тип известного генетика Н. В. Тимофеева-Ресовского. Представлены доказательства в пользу его принадлежности к типу логико-интуитивный экстраверт (■△ ЛИЭ).

Ключевые слова: генетика, исследователь, логико-интуитивный экстраверт, соционика, соционический тип, Тимофеев-Ресовский.

...обычно так бывает: ежели человек не бездельник, он не занят двадцать четыре часа в сутки, а занят много меньше и делает то, что хочет он делать, а то, чего не хочет делать, не делает.

Н. В. Тимофеев-Ресовский

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900-1981) — выдающийся русский генетик, один из основоположников радиобиологии, автор работ по популяционной и эволюционной генетике. Он стоял у истоков того, что сейчас называется *молекулярной биологией* (сам Тимофеев не упускал случая пройтись по столь абсурдному названию) и *биофизикой* (о названии и содержании которой он тоже не преминул высказаться). Научные достижения и биография Тимофеева-Ресовского столь обширны и (порой до невероятности) насыщены, что перечислять их здесь, разумеется, нет никакой возможности.

Для определения его соционического типа мы будем в первую очередь пользоваться книгой — сборником статей «Н. В. Тимофеев-Ресовский. Воспоминания. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами» [4], а также не вошедшими в этот сборник воспоминаниями художника Олега Цингера — близкого друга Тимофеева в его «берлинский период», 1925-1945 гг. [7].

1. Клуб

Известно, что впервые поделить социон на «клубы» (группы типов, у носителей которых совпадают признаки «интуиция/сенсорика» и «логика/этика») предложил Г. Р. Рейнин [5], который описал характер взаимодействий в клубе и передачу инициативы от одних его членов другим, то есть представил эти группы как бы «изнутри». Описание «снаружи» (с точки зрения общих черт, присущих представителям одного «клуба») несколько позже дал В. В. Гуленко [3], представивший их как *установки на вид деятельности*. Согласно такому делению логики-интуиты были названы Исследователями, этики-интуиты — Гуманитариями, этики-сенсорики — Социалами и логики-сенсорики — Практиками. Давайте посмотрим, к которому из этих 4-х клубов мог принадлежать Тимофеев-Ресовский.

Обратимся к его собственному свидетельству: «В гимназии ещё началось у меня и моих ближайших друзей, как гимназических, так и негимназических, увлечение всякой всячиной: науками, искусствами, философией, литературой, чем угодно... И мне кажется, что в нашем развитии интеллектуальном эти кружки... сыграли большую роль. В конце

концов, человек интеллектуально формируется на основе своих прирождённых качеств, способностей, вкусов и т. д. Но всё это прирождённое должно чем-то питаться» [4, с. 109].

Заметим, что подобная интеллектуальная «всеядность», стремление организовывать сборища по интересам характеризует в первую очередь два клуба: Исследователей (интуитов-логиков) и Гуманитариев (интуитов-этиков) [6].

В пользу интуитивных, а не сенсорных клубов говорит и следующее высказывание Тимофеева: ««Никогда не делай того, что всё равно сделают немцы»... Как известно, повседневная научная работа — это самое скучное занятие, которое настоящий нормальный, здоровый, средний человек может себе придумать. И вот этим не следует... по моему скромному мнению, заниматься. Чем угодно заниматься можно, только не этим, потому что это всё равно сделают немцы. Все дырочки в энциклопедиях заполнят со временем... То, что не изучено, будет изучено. Что сделается с вашим мнением касательно такого-то вопроса, ежели вам долго чесать левое ухо, например. Что-то сделается, конечно, не сможет бесследно пройти длительное чесание левого уха» [4, с. 244].

И Практиков (сенсориков-логиков), и Социалов (сенсориков-этиков) отличает более узкая направленность, внимание к деталям и понимание их важности. Интуиты же зачастую имеют представление о некоторых вещах «в общем», зато интересуются связью того, чем они заняты, со смежными областями, стараются представить себе полную картину знания. И здесь Тимофеева естественно отнести к одному из клубов интуитов: «Я хочу сказать, что некоторое пренебрежение соседними общебиологическими представлениями, в частности эволюционным учением, со стороны генетиков понятно и почти извинительно. Почти — потому что всё-таки оглядываться вокруг всегда полезно, даже когда работаешь интенсивнейше в каком-нибудь новом направлении» [4, с. 250].

Теперь нужно выбрать между клубом Исследователей и Гуманитариев. Иначе говоря: логик или этик?

По воспоминаниям Д. Гранина: «Самые сложные проблемы он излагал как нельзя просто. Я давно заметил, что тот, кто хоть раз слышал выступления Н. В., запомнил его идеи если не навсегда, то надолго. Он умел врезаться в память остротой простоты» [4].

Стремление упрощать, предельно ёмко выражать свои мысли свойственно в первую очередь логикам, в данном случае Исследователям. Представители клуба Гуманитариев более склонны говорить подробно, оценивать не столько содержание, сколько воздействие на собеседника, поскольку не всегда могут почувствовать, что в «объективном» знании важно, а что — нет, чем можно пренебрегать, а чем — нельзя.

К слову сказать, Гуманитариев чаще волнует не наука сама по себе, а то, как её результаты скажутся на «будущем Человечества». Отсюда — стремление рассуждать о моральности или аморальности любого сколько-нибудь заметного открытия, будь то деление урана или клонирование овцы. Исследователей же ведёт *любопытство*, они в первую очередь задаются вопросами: что это? как это можно понять? как это сделать? А уже когда *получится*, можно подумать и о прочих «вненаучных» последствиях: практических, этических и социальных. Именно поэтому следующее высказывание Тимофеева скорее говорит в пользу его принадлежности к Исследователям, а не Гуманитариям: «А общественные отклики на науки всегда более или менее глупы, более или менее неинтересны и затихают в своё время, не оставляя даже мокрую лужу по себе» [4, с. 244]. Можно привести и другое его высказывание на ту же тему: «Сейчас много трепотни идёт о так называемой физико-технической революции... Это чушь! В науке никаких революций не бывает, наука развивается эволюционно и традиционно. Конечно, так как всё на свете течёт негладко, то и в развитии наук существуют периоды расцвета и периоды затишья. Периоды расцвета чаще всего не те, которые замечают неспециалисты, особенно политики» [4, с. 390].

Стремление навести ясность, выделить главное читается и в таком высказывании Тимофеева: «Мы как-то с Циммером написали, что, к сожалению, биофизикой называют все те случаи, когда медики и биологи работают со слишком сложной для себя аппаратурой. На самом деле биофизика — это стык элементарных биологических структур и явлений

с физико-математической интерпретацией этих структур и явлений. А биохимия — это теоретическая физико-химия биологически активных молекул» [4, с. 232]. Опять же, определение через общие понятия и цели, а не через конкретные способы их достижения, характерно, если говорить о логических клубах, больше для Исследователей, чем Практиков.

Везде, куда попадал Тимофеев (даже в лагере!), ему удавалось организовать семинары для обсуждения научных и прочих проблем. Показательна и форма этих семинаров, весьма характерная именно для Исследователей: «Очень хорошо всё у нас сработало. Наши коллоквиумы мы организовали так же, как я все свои кружки и коллоквиумы организовывал. На каждое собрание назначался провокатор, задачей которого было провоцировать дискуссию. Он обыкновенно не докладывал чего-нибудь длинного, а формулировал какую-нибудь проблему в афористическом и немножко юмористическом смысле и тоне, чтобы было посмешнее да позабористей и провоцировало дискуссию. Основное правило — никакой звериной серьёзности. Для серьёзного развития серьёзных наук нет ничего пагубнее звериной серьёзности. Нужен юмор и некоторая издёвка над собой и над науками. Тогда будет всё процветать» [4, с. 232].

Демократичность, часто присущая исследователям, умение благодаря интуиции разобраться в способностях человека, а благодаря логике — объективно их оценить, проявляется в равнодушии представителей этого клуба к официальным званиям и наградам, например, по словам Тимофеева: «Все эти профессорские и академические чины на меня никак не действуют. Я считаю, что это скорее отбор по признаку лёгкой бездарности, чем наоборот» [4, с. 328].

Итак, мы навскидку определились с клубом — Исследователь. Осталось понять, кто из четверых? Для этого попробуем разобраться с темпераментом.

2. Темперамент

В этом разделе мы воспользуемся делением на «соционические темпераменты», предложенным В. В. Гуленко [2]. Термин заключён в кавычки, поскольку не следует забывать о лишь весьма относительной близости этих групп к темпераментам Гиппократ-Галена. Согласно его подходу выделяются следующие группы: линейно-напористые типы (рациональные экстраверты), гибко-разворотливые (иррациональные экстраверты), уравновешенно-стабильные (рациональные интроверты) и восприимчиво-адаптивные (иррациональные интроверты).

По воспоминаниям О. Цингера, когда он познакомился с Тимофеевым в 1927 году: «Колюша был ещё совсем молод, а темперамент его — просто неопишимо. Колюша часто рассказывал о себе, и получалось впечатление, что перед вами человек, проживший не одну жизнь, а пять жизней. Он быстро ходил взад и вперёд по комнате и громко, с различными выражениями в голосе рассказывал, как был студентом, «зелёным», казаком, как был где-то ранен, но верная лошадь от него не отходила и в конце концов спасла... Все рассказы были настолько красочны, что непривыкший человек просто обалдевал» [7].

Согласитесь, это мало похоже на флегматика или меланхолика, скорее всего речь идёт об одном из «экстравертных темпераментов» (по Айзенку). Азарт сопутствовал практически любому занятию Тимофеева, будь то игра в городки, где он шумно выражал своё отношение к происходящему, или игра в «блочки»: «И тут Колюша проявлял страшный темперамент. С отвисшей нижней губой, он походил на медведя-губача, всё время слышался его возглас: «мисльонген!» (от немецкого «не вышло») или «так ему и надо, сучку!» [7].

По воспоминанию Цингера, Тимофееву были очень свойственны резкие высказывания обо всём: о жизни, о науке, о религии. Многие его боялись, так как он имел привычку набрасываться на собеседника по ничтожнейшему поводу. При этом он мог долго и упорно драконить, например, какой-то обычай (скажем, новый для него обычай немцев ездить в отпуск), а впоследствии стать таким же горячим его приверженцем. «Забавно, что Колюша абсолютно искренне забывал всё им сказанное! Он крыл Италию и итальянцев, но стоило ему познакомиться поближе с одним итальянцем, как он начинал хвалить чуть ли не всё итальянское. Ругая «немчское», он имел массу немецких друзей, немцы его обожали. Иногда можно было прийти в ярость от Колюшиных рассуждений и в то же время часто хотелось его крепко обнять за чистоту, доброту, детский темперамент и непоколебимую веру в добро» [7].

Здесь уже явно вырисовываются одновременно и холерический, и линейно-напористый темперамент. Действительно, гибко-разворотливые (чаще всего, сангвиники) предпочитают оставлять себе пути для манёвра и не заявлять столь резко свои предпочтения по каждому поводу. Внешне гибко-разворотливые меняют своё поведение, взгляды менее заметно, а отступать умеют столь неоднозначно, что не всегда понятно, движение это вперёд или назад. И напротив, линейно-напористые, во-первых, более прямолинейны в заявлении и достижении своих целей, а, во-вторых, склонны на них застревать. Такие периоды застревания Тимофеева на какой-либо идее (например, на идее «единственно верной» религии — Православия) очень хорошо описаны в воспоминаниях Цингера. Если же цель линейно-напористого меняется, внешне это может выглядеть как поворот на 180°.

В общении линейно-напористые часто довольно задиристы (ещё бы, ведь им всем надо завести своих спокойно-уравновешенных дуалов). Беспокойный темперамент толкает подкалывать окружающих, без этого им быстро становится скучно. Вот как Тимофеев рассказывал о характере своих отношений с математиками: «Но для того чтобы эта новая кооперация была максимально плодотворна, время от времени надо и поцапаться. Так? Без этого никак невозможно. Иначе пейзаж станет однообразен, скучен, уныл, и всё покроется осенним мелким дождичком. Чтобы этого не было, нужно ругаться время от времени» [4, с. 258]. Гибко-разворотливые тоже скучают от однообразия, но заводят сами себя не очень-то умеют — у них всех ■ расположена в витальном кольце и осознаётся слабовато, а, кроме того, ругань их не больно то активизирует. И наоборот, склонность выводить окружающих из равновесия как нельзя кстати хорошо прослеживается в описаниях всех четырех «линейно-напористых» соционических типов.

Итак, остановимся пока на линейно-напористом темпераменте. Учитывая, что клуб исследовательский, мы выходим на тип логико-интуитивный экстраверт (ЛИЭ). Особенно удачно, по нашему мнению, в пользу этой гипотезы говорит как раз последняя деталь.

Теперь проверим, выдержит ли этот результат проверку моделью А.

3. Блоки ЭГО и ИД

3.1. Программная ■

Программная экстравертная логика (по терминологии Гуленко — «деловая логика») проявляется, в частности, в умении изобретать различные методы, оптимизировать выполнение той или иной работы. Здесь первостепенное значение имеет целесообразность тех или иных действий, полезный «выход» по сравнению с затраченными усилиями. Например, во время гражданской войны Тимофеев попал к бандитам и на какое-то время остался в банде. «Я почему остался у них? Потому что они занимались полезным делом: гнали немцев с Украины... Мы сутками прямо не вылезали из седла... А нас-то четырнадцать сабелек. Но мы разработали хорошую тактику: рассыпались уже в темноте, нащандоривали коней, орали «ура» и стреляли. И немцы обыкновенно никак не могли разобрать, сколько нас» [4, с. 107] Как говорил другой знаменитый ЛИЭ —

А. В. Суворов [6]: «Воюют не числом, а уменьем!» — вполне подходящий лозунг для этого изобретательного типа.

Характерна для программного «делового логика» и очень высокая работоспособность. Часто ЛИЭ, наряду с любимым занятием, ещё хватает времени и сил зарабатывать деньги, не гнушаясь, в том числе, чисто физической работой. Как вспоминал Тимофеев, сразу после гражданской войны «я преподавал на двух рабфаках, преподавал в двух вузах, так сказать для жратвы, а всё свободное время до двух часов ночи просиживал над наукой... Денежки зарабатывал преимущественно в качестве грузчика... До этого я одно лето проработал пастухом в Тверской губернии. Это тоже очень выгодно» [4, с. 99].

Самостоятельность и высокая творческая продуктивность сыграли свою роль и при рекомендации Тимофеева на работу в Берлин. Сам Тимофеев так комментировал решение своего учителя Н. К. Кольцова: «Наверное, потому, что из своего поколения я тогда был, пожалуй, наиболее самостоятельный уже молодой человек. У меня было уже пять работок: четыре небольших и одна большая... Затем я вполне прилично знал иностранные языки: немецкий и французский, а немецкий язык совсем хорошо знал. Английский похуже» [4, с. 187]. Примечательно, что поначалу сам Тимофеев ехать не хотел — за границей он не раз бывал ещё в детстве, а работать можно и в Москве. «Но меня уломали Кольцов и Семашко главным образом тем, что ... русские обыкновенно ездили учиться чему-нибудь за границу. А меня приглашают не учиться, а учить» [4, с. 188]. Действительно, ЛИЭ сам с кем угодно поделится своими методами и умениями.

Примечательно и отношение ЛИЭ к деньгам. Как правило, представители этого типа экономить не любят и не умеют (если это не делает кто-то за них), а предпочитают быстро зарабатывать и быстро же тратить. Иногда подобные поступки даже приобретают несколько демонстративный вид. После того, как был решён вопрос о переезде Тимофеева с семьёй в Берлин, немецкая сторона предложила оплатить им дорогу, но, по воспоминаниям Тимофеева: «Я же был настроен барственно. Эта барственность, особливо финансовая, во мне сохранилась и до сих пор. Даже когда у меня уже денег и нет никаких, я всё же стараюсь жить барственно. Так я, конечно, отказался. С какой стати немцы мне будут дорогу оплачивать!... Это потом нам в копеечку влетело, конечно» [4, с. 189]. Впрочем, с финансовыми проблемами ЛИЭ справляться умеет, и уже вскоре Тимофеевых знали все лавочки Берлин-Буха, поскольку они тратили на питание в три раза больше, чем местные немецкие семьи [4].

Программная ■ интересуется, зорко подмечает и по достоинству оценивает чужие профессиональные успехи. «И вот я до сих пор помню, в Николаевске на Амуре артель разгружала и нагружала наш теплоход. Красота была! Это была настоящая профессиональная работа. Вы думаете, грузчики — это что? Инженером или профессором каждый дурак может быть, а вот грузчиком! Это почти как Святослав Рихтер среди пианистов... Это же отрабатывается техника... И когда артель настоящих грузчиков работает — да это же красота. Я тогда получил некоторое количество долларов незадолго до этого, какой-то гонорарий. И в «Берёзке» я купил себе английских сигарет. И вот раскошелился: весь взятый в дорогу запас этих английских сигарет я этой артели грузчиков подарил. Радовались ребята, ужас!» [4, с. 102].

Требования к найму работников у программной экстравертной логики довольно высоки. В отличие от этиков, и ЛИЭ, и ЛСЭ предпочитают брать людей, основываясь исключительно на их деловых качествах, не обращая внимания на протекции. Дело в том, что для этих типов «дело — отдельно, отношения — отдельно», в противном случае недолго запороть и первое, и второе. Вот как вспоминал Тимофеев о периоде своей работы в Берлин-Бухе: «Надо сказать, что сотрудников так же, как и потом здесь, брал с большим отбором.

Никогда не брал, когда мне сверху кого-нибудь присылали или просили: «Возьмите, ради Бога. Мы даже можем вам подбросить несколько тысяч, только возьмите, — симпатичный там человек или иногда человечича». Я не брал сразу. Пусть сперва появится, поговорит, а потом волонтером поработает. Я посмотрю, что он представляет из себя» [4, с. 222].

Чего ещё не переносит программная ■, так это длительных разговоров не по делу. По-видимому, именно это и послужило причиной нелюбви Тимофеева к телефону, особенно на работе: «А я терпеть не мог и до сих пор терпеть не могу телефона. Я всегда говорю, что ежели я кому-то нужен, то можно прибежать ко мне. А то этот трёп телефонный — ужасная штука. Времени уходит больше, чем ежели нет телефона» [4].

И чтобы естественно перейти к творческой функции, приведу одно, так сказать, «программное» высказывание Тимофеева-Ресовского: «Я всю жизнь делал всегда то, что хотел, и не изображал из себя какую-то фигуру, которая страдает от того, что её заставляют всё время делать не то, что ей хочется. Таких страдающих людей вокруг меня до сих пор до чёрта. Их всё угнетает, их все угнетают, и они принуждены, видите ли, заниматься не тем, чем хотели бы. Если бы они могли, то чёрт знает что бы наворотили! Врут дьяволы! Просто они лентяи, потому что быть двадцать четыре часа в сутки занятым делами не теми, которыми хочешь заниматься, — это значит, что ты бездельник. Вообще-то говоря, обычно так бывает: ежели человек не бездельник, он не занят двадцать четыре часа в сутки, а занят много меньше и делает то, что хочет он делать, а то, чего не хочет делать, не делает. И тогда он живёт более или менее нормальной жизнью даже в самых ненормальных условиях... А чтобы этого добиться, нужно другое: чего не хочешь делать — не делай. Тогда волей-неволей придётся делать то, что хочешь. Так жить надо. В этом, так сказать, жизненная философия заключается» [4, с. 96]. Так что давайте теперь более подробно рассмотрим «творческое отношение» ЛИЭ к времени.

3.2. Творческая Δ.

Своё время представитель типа ЛИЭ стремится оптимально приспособить к осуществлению своих планов, к «обслуживанию» своих интересов. Время — ресурс перво-степенной важности для человека с творческой Δ. Вновь обратимся к воспоминаниям Тимофеева: «Время у меня было заполнено. Я ещё, будучи гимназистом последних классов, буквально натренировался мало спать. После чего всю жизнь довольствовался максимум пятью часами сна в сутки. Этого для меня было совершенно довольно. Все эти рассуждения: «Человек должен спать восемь часов»... Передрёмывать можно и двенадцать часов. А я научился крепко спать. Никогда я никаких снотворных средств не употреблял, но выучился этому делу очень просто, когда мне в старших классах гимназии действительно стало не хватать времени на всякие мои интересы: и зоологические, и искусствоведческие, и кружки, и всякую такую муру. Да и на чтение книг интересных... Я рассчитал так: ну что же, станешь помирать — вроде обидно станет, что больше трети жизни проспал. Зачем? Спать и в гробу можно сколько угодно. Лучше побольше пожить-то» [4, с. 97-98]. Действительно, в соответствии с программной функцией, время должно быть заполнено интересным и важным делом, а не растрчено на сон.

ЛИЭ прекрасно понимает, что всех дел не переделаешь, а многие и не стоят того, чтобы за них вообще браться. Он хорошо осознаёт, что следует сделать немедленно, а что подождёт «до лучших времён»: «Я всегда в жизни одобрял достаточную леность, всегда сражался с дурацкой поговоркой немцев: «Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят». Я всю жизнь жил противоположной поговоркой: «Никогда не делай сегодня того, что можешь сделать завтра» [4, с. 181].

Ещё одним проявлением творческой «интуиции времени» (△) можно считать интерес Тимофеева к истории, и в частности, к истории своего рода. Он очень хорошо умел погружаться в весьма отдалённые события, сочно рассказывать о них. По воспоминаниям Симона Шноля, «было удивительно, что он не только знает своих предков с петровских времён, но живо представляет их облик и привычки, достоинства и странности, рассказывая о событиях XVIII-XIX веков как очевидец» [4].

Именно за такое сочетание живого воображения, фантазии (△) и трезвого, точного расчёта, изобретательности в методах, эффективности в действиях (■) ЛИЭ иногда называют «романтичным прагматиком» [6]. Перейдём теперь к рассмотрению связи тоже довольно сильных функций, составляющих блок ИД.

3.3. Демонстрационная ▲

Интуиция возможностей в этом положении проявляется в интересе к новым возможностям, деловым перспективам [1]. Однако в отличие от типов, у которых эта функция занимает «программное» положение (ИЛЭ, ИЭЭ), ЛИЭ мало рассуждает о своих и чужих возможностях (в том числе утраченных), а скорее склонен эффективно их перебирать, пока они ещё не устарели (творческая △). Напротив, ИЛЭ склонен замечать множество возможностей, однако откладывает их освоение «до лучших времён», из-за чего многие из них со временем теряют актуальность.

В принципе, ЛИЭ готов поменять сферу приложения своих сил на более перспективную, но для этого нужно уметь распознавать, действительно ли новый вариант лучше, чем старый. Ещё совсем молодым студентом Тимофеев-Ресовский примкнул к кружку основоположника отечественной экспериментальной биологии Николая Константиновича Кольцова, что определило его собственную научную судьбу на многие годы. Вот как он сам впоследствии вспоминал о сделанном выборе: «И я до сих пор счастлив, что я тогда проявил достаточную лягавость, верхнее чутьё, чтобы связаться именно с этим кругом московской зоологии, а не с каким-нибудь другим. Остальные были намного скучнее и оказались впоследствии намного скучнее» [4, с. 96]. Действительно, чтобы удачно выбрать из большого спектра возможностей наиболее стоящую и не пожалеть об этом даже спустя годы, требуется обладать достаточно сильной интуицией. Вместе с тем, в рассматриваемом случае ▲ явно выступает на вспомогательной позиции, а не на программной. Программная функция не столько подчиняется человеку, сколько ведёт его. Например, человеку с программной ▲ бывает трудно пройти мимо какой-либо новой возможности, поэтому порой ИЛЭ или ИЭЭ отказываются от завершения намеченных планов ради нового варианта. Напротив, ЛИЭ сначала придирчиво выбирает для себя область приложения сил, а потом концентрируется на этом направлении и, если и посматривает по сторонам, то не в поисках, где поинтереснее, куда бы переметнуться, а просто для того, чтобы быть в курсе всех дел и новшеств.

Следующее высказывание Тимофеева о своей работе в Берлин-Бухе только подтверждает предположение о расположении ▲ в «демонстрационной» позиции. «Я уже говорил, что эти основные направления работ наметил для себя ещё в Москве. И за границей продолжал то, что было уже начато в Москве. Основные направления своей работы менять особенно не следует, а нужно действовать, как действуется» [4, с. 221] — явный приоритет ■ над ▲.

3.4. Контролирующая □

У ЛИЭ эта функция проявляется в интересе к выявлению связей между различными явлениями, предметами и т. д. [1]. Для этого ЛИЭ часто не ленятся перерабатывать большие объёмы информации: «И вот это контактирование между генетикой и общим эволюционным учением, насколько я себя помню, интересовало меня чуть не с детских лет. С целью подметить такие контакты я и десять томов Брема изучил, и всякие другие книжки...» [4, с.184].

Как следует уже из названия, по контролирующей функции человек не столько действует сам, сколько замечает чужие ошибки и критикует других. С точки зрения ЛИЭ логичность чего-либо (□) — только полдела, главное, чтобы работала (■)... Показательно в связи с этим отношение Тимофеева к программе Андрея Сахарова (ЛИИ). «Вы читали это знаменитое письмо академика Сахарова? Почитайте. Оно по Москве ходит. Я читал. Такая наивная чушь, вообще-то говоря, какая-то устарелая технократия предлагается. Всё это из лучших побуждений, конечно, но создаётся ощущение, что человек не знает, что делается в мире, не понимает в политике, в экономике. Очень невысокого уровня писание» [4, с. 275]. Действительно, логики первой квадры в своих социальных теориях, как правило, сильно отрываются от действительности.

Иногда ЛИЭ весьма нетривиально решают вопросы о принадлежности своих занятий к той или иной области (по его мнению, этот вопрос «на всякий случай» должен быть решён). Здесь пускаются в ход различные уловки: «Энтомологией из всей зоологии меньше всего интересовался, хотя работал уже с дрозофилой. Но я, для того чтобы избежать внутренних каких-либо конфликтов, выделил дрозофилу из энтомологии, из насекомых. Считал, что дрозофила есть дрозофила, а энтомология — это раздел о насекомых, и занимался спокойно дрозофилой, не интересуясь особенно энтомологией и шмелями...» [4, с. 187]. Словом, «мухи — отдельно, котлеты — отдельно».

Уважение ЛИЭ к логичному наукообразию тоже невелико. Здесь оценки могут быть довольно резкими и прямолинейными, например, о философии: «Это чисто паразитарные дисциплины, кормятся какие-то профессора на действительно крупных покойных людях и их извращают, классифицируют по глупым классификационным схемам, находят всякую идеализму, материализму и ещё всякую «изму». Всё это собачья чушь! Философы и философия — это действительно редкие явления в мире человеческом, когда появляются крупные люди, которым есть что сказать прочим людям о своём видении внешнего мира и человеческой природе» [4, с. 110]. Или другой отрывок: «Вообще ведь люди навывдумывали за последнее столетие, за эпоху после Ренессанса много таких псевдопроблем. Например, вся современная философская проблематика о смысле жизни — одна из таких бессмысленных проблем» [4, с. 390]. Действительно, какой смысл заниматься схоластикой, что-то логически доказывать-передоказывать, если сама проблема, что называется, из пальца высосана?

Наконец, вспомним ещё об одной особенности 7-й функции. Она ориентирована скорее на правила, созданные другими людьми, чем на свои собственные. Видимо, этим можно объяснить часто присущую ЛИЭ и ЛСЭ законопослушность. Вспомним, хотя у Остапа Бендера и было «400 способов сравнительно честного отъёма денег», но он «читил Уголовный кодекс». Аналогичные примеры можно найти и в биографии Тимофеева-Ресовского. Вот как, например, вспоминает друг семьи Тимофеевых о перипетиях, связанных с их переездом на новую квартиру: «К осени Тимофеевы переехали в Свердловск, но пока не был сдан дом, жили в гостинице «Большой Урал». «Мы могли бы, пожалуй, переехать, — замечает Елена Александровна (жена Тимофеева-Ресовского), — но Колюша ни за что не хочет, т. к. это, конечно, незаконно» (Очень характерно для Николая Владимировича с его независимым нравом и вместе с тем дисциплинированным подчинением законопорядку)» [4, с. 658]. Заметим, что Тимофеев не был приверженцем социалистического строя, более того, успел отсидеть пару лет в лагере, однако, по воспоминаниям разных очевидцев, несмотря на это: «Он, например, охотно вставал, когда исполняли гимн Советского Союза, и подпевал своим зычным голосом. Это был его принцип — законопослушность» [4].

4. Блоки СУПЕРЭГО и СУПЕРИД

Разберём теперь срединные блоки, так сказать, оборотную сторону медали.

4.1. Мобилизационная ○

Обычно от проблем по этой функции человек всячески стремится дистанцироваться, поскольку имеет склонность попадать здесь впросак. Для ЛИЭ это, в частности, проблемы с внешним видом. Даже если здесь затрачиваются серьёзные усилия, результат может быть не вполне ожидаемым. До отъезда в Германию Тимофеев не особенно задумывался над «одежным» вопросом, он привык одеваться очень просто (рубашка навыпуск и шаровары), благо зоологическая станция размещалась за городом... Поэтому когда Тимофеевы решили поехать работать за границу, остро встал вопрос об обновлении гардероба. Как и большинство семей в то время, Тимофеевы были очень стеснены в средствах, однако «был найден портной, который согласился из какого-то огромного старого плаща сшить мне костюм. За приличную сумму это было сделано. Правда, очень быстро, ещё по дороге в Германию, оказалось, что материал непригодный совершенно для «укустюмчиков», потому что на локтях и на коленях шары образуются» [4, с. 191]. Да, для того, чтобы предвидеть, на что будет похож костюм некоторое время спустя, одной интуиции мало, необходимо ещё и разбираться в качестве материала (○).

Развернуться в полной мере болевой мешает творческая функция. Уж больно разные у них приоритеты и допустимые методы решения проблем. Так, творческая интуиция наиболее естественным методом исследования считает размышления, догадки, построение ассоциативных цепочек. Конечно, ЛИЭ понимает, что без кропотливых исследований, проверок, к сожалению, не обойтись, но придавать этому особое значение определёнno не станет: «Я и до сих пор считаю, что импортные, стоящие сотни тысяч рублей в валюте приборы и аппараты нужны для разработки мелких деталей, а принципиальное и большое в науке делается всё-таки на соплях и пяти пальцах, с помощью размышления в основном» [4, с. 111].

Одна из особенностей «болевой» функции состоит в том, что человек нередко «задним умом чувствует» проблему, однако как ее решить — себе не представляет. Несмотря на неприхотливость в быту, ЛИЭ всё же очень чувствителен к различным сенсорным неудобствам. Прожив 20 лет в Германии, Тимофеев имел возможность сравнить транспортный сервис там и в СССР: «А чтобы такого, как у нас, как сельди в бочке напиханы, друг другу ноги бы отдавливали... Я поэтому в Москве два раза только был в метро... Из всех общественных видов транспорта признаю только трамвай. Всё-таки это цивилизованный способ передвижения. Он всегда по рельсам катится, а не тыркается куда угодно, как автобус, мешает только движению. А особенно троллейбус. Это чёрт знает что. С одной стороны, привязан к проводам, с другой стороны, всё-таки может разъезжать вправо-влево; совершенно идиотская вещь» [4, с. 201].

4.2. Активационная ●

Эта функция часто служит прикрытием для болевой. Например, Джек, зная свою слабость по ○, переживает, что его посчитают неженкой, поэтому всячески культивирует в себе бойцовские качества. Однако активность этой функции — пульсирующая, при отсутствии поддержки со стороны может на время угасать. И главное — добываясь по этой функции результатов, человек всё же предпочитает не использовать её для основного рода занятий, а скорее для хобби.

Обратимся к воспоминаниям Олега Цингера: «Часто я встречался с Колюшей и с его сослуживцем по институту, чтобы втроём пойти в балаган посмотреть на борьбу, бокс, кач. Балаган был набит ужасной публикой. Просто страшно и стыдно было туда входить... Публика или возмущалась или приходила в дикий восторг. Всё это было для меня ново, и особенно нов был для меня Колюша. На него находило полувеселье — полудикость, и всё это вместе выливалось в какое-то особое обаяние, под которое я сейчас же и попадал. Колюша в балагане приходил в раж. Аплодировал борцам или громко выражал своё недовольство, крича на весь балаган...» [7]. Действительно, ЛИИ с его болевой ●, подобные зрелища скорее отвращают, а вот ЛИЭ, напротив, активизируют.

Достаточно «накачавшись» по активационной функции, любой тип способен время от времени заметно проявляться по ней. Так, при случае ЛИЭ может весьма эффективно встать на защиту слабого. Такой случай представился Тимофееву в лагере. «Был в нашей группе старичок, такой прилично одетый старичок. И на него [урки] набросились раздевать, разувать. И на меня накатило. Ну, злость накатила такая, что спасу нет. Я, несмотря на то, что на ногах недостаточно крепко держался, вспомнил всё-таки остатки джиу-джитсу, какие знал. Значит, на первого урку просто прыгнул и двумя кулаками ему в морду, в прыжке, вот таким образом: с двух сторон по двум скулам кулаками... а остальные разбежались... А так вообще я не шизик, характер у меня не эпилептоидный. Но бывало пару раз в жизни, что на меня накатывала злость... Между прочим, советую, рекомендую: на первого, который хочет на тебя напасть, просто прыгай. Прыжок в длину, головой вперёд и двумя кулаками вперёд — и смыкай кулаки на его морде... Это страшная штука, это хуже нокаута» — [4, с. 250-252].

Вообще, любой ТИМ и сам не прочь похвалиться своими умениями по активационной функции, да и похвалы от других (небеспочвенные!) по ней принимаются с благодарностью.

4.3. Ролевая ■

Часто проявляется в демонстрации чувства юмора, в шутках, которыми обычно щедро одобрена речь ЛИЭ: «Я не просто человек, а я, насколько мне удалось установить, единственный человек в мире, в природных условиях обгаженный пеликаном. Понимаете? Это, как говорится, не жук накакал, а много серьезнее» [4, с. 82].

Как замечали практически все люди, знакомые с Тимофеевым в тот или иной период его жизни, для него в высшей степени было характерно своеобразное словотворчество. Причём изобретённые и часто употребляемые им словечки чрезвычайно легко прилипали ко всем остальным. «Спину Колюша всегда называл «спиноза»: «Спинозу ломит!». Прогулка называлась «шпанцер». «Учинить шпанцер» означало пойти погулять» [7].

Умеет ролевая ■ и оказывать необходимое (по её мнению) эмоциональное воздействие на подчинённых. Когда в 1945 году советские войска заняли Берлин, институт, в котором работал Тимофеев, оказался под угрозой разграбления. Вспоминает Олег Цингер: «Колюша дал себе титул «директора института», что было чрезвычайно наивно и чревато последствиями. Он заведовал только генетическим отделением, весь институт он не знал, и знать просто не мог. Первая, главная, задача была оградить институт от грабежей и порчи материала... Началась какая-то фантастическая, нереальная жизнь фантастического буховского института. Колюша из директора превратился в окончательного диктатора и так следил за порядком, что мы все его боялись как огня» [7].

Заметим, что у ролевой ■ свои представления об уместности проявления тех или иных эмоций. Если кто-то этим представлениям не отвечает, реакция может быть весьма бурной. Тогда же, в 1945, наряду со своим «директорством» «Колюша продолжал научную работу, но был душевно так одинок и так нервен, что с ним нельзя было говорить. Люди его раздражали, а малейшая весёлость приводила в ярость... Настоящих причин мы не знали. Чувствовали только, что наше хорошее настроение Колюшу невероятно раздражало» [7].

4.4. Суггестивная □

Примеров тут удалось найти немного, но одно из качеств ЛИЭ — слабое представление о том, «кто есть кто» и как себя с кем вести, забавно проявилось в следующем эпизоде. Знакомые американцы в Германии пригласили Тимофеева на свой банкет. Тот пришёл в указанное место: «Спрашиваю, где тут американцы обед дают. Меня через какую-то пустую залу подвели к закрытым дверям, перед которыми полдюжины или десяток джентльменов во фраках стоят и о чём-то разговаривают. Я решил, что это ихние гости, стал здороваться. А это оказались официанты. Вот, я, значит, со всеми официантами за руку поздоровался. Они страшно удивились, но, когда узнали, что я только что из

Москвы, сразу все обрадовались: «А! Вы есть большевик!» Я говорю: «Да-да-да, вот из этих самых, которые большевики-то. Человек ещё дикий» — «А почему Вы так хорошо по-немецки?» — «Ну, — я говорю, — это ещё осталось у меня с тех пор, когда я не был большевиком, а просто русский был» [4, с. 196].

5. Всё-таки Логико-интуитивный экстраверт

Итак, проверка по модели А только подтвердила первоначальное предположение. Все факты подтягиваются к версии ЛИЭ. Теперь давайте рассмотрим этот результат в целом.

Действительно, как практически любому ЛИЭ, Тимофееву были чужды формальности, а интересовала лишь суть дела: «С 22 года я уже не был студентом, кончил университет, не сдав государственных экзаменов, которые никогда и не сдавал, потому что началась университетская реформа. И вообще нужно быть любителем какой-то студенческой правды, чтобы что-то сдать. Я плюнул на это и стал заниматься наукой» [4, с. 28]. Гораздо позднее, когда Тимофеева приглашали на работу на секретный объект, он, ни секунды не сомневаясь, ответил: «С меня секретности хватит. Я больше в учреждение, в которое требуются особые пропуска, допуски, ногой не вступлю» [4, с. 372]. Секретность, невозможность обсуждать свои идеи с любыми людьми может очень тяготить ЛИЭ.

Обучение для ЛИЭ — это в первую очередь обучение на собственном примере. В одной из глав «Воспоминаний», которая так и называется: «Всякие учителя и всякие способы учиться», Тимофеев делает упор на то, что хорошие учителя стимулируют творческую активность учеников, а не просто дают им «сумму знаний» [4]. В конце рассуждений выводится естественное резюме: «Из чего опять же следует, что всякая педагогика — гнусь и муть. Никому она ни на что не нужна» [4, с. 78].

Наконец, любовь к приключениям, к путешествиям, к розыгрышам, которая так часто проявляется у ЛИЭ, — всем этим Тимофеев был наделён в полной мере. Пересказывать здесь многочисленные его и о нём истории — занятие неблагодарное. Думаю, желающие сами смогут сделать нужные выводы, ознакомившись с приведённой в списке литературой или прочитав книгу Д. Гранина «Зубр», основанную на документальном материале.

Л и т е р а т у р а :

1. Горенко Е. А., Толстиков В. И. «Природа собственного Я». — М.: Армада-пресс, 2001. — 288 с.
2. Гуленко В. В. Гарантии продуктивного обучения. Темпераментные и стимульные группы //«Соционика, ментология и психология личности», 1996. — № 6. — С. 12–18.
3. Гуленко В. В., Тыщенко В. П. Юнг в школе. Соционика — межвозрастной педагогике. — Новосибирск, изд-во НГУ, 1998. — 270 с.
4. «Н. В. Тимофеев-Ресовский. Воспоминания. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами». — М.: «Согласие», 2000. — 880 с.
5. Рейнин Г. Р. Морфология малых групп //«Соционика, ментология и психология личности», 2001. — № 2. — С. 7–14.
6. Филатова Е. С. Искусство понимать себя и окружающих. — СПб. Дельта. 1998. — 368 с.
7. Цингер О. «Колюша» //Химия и жизнь. — 1990. — № 12. — С. 39–45.

Статья поступила в редакцию 19.06.2003 г.